

ОДИН ДЕНЬ 44-го

Это простая солдатская история — один из многочисленных эпизодов Великой Отечественной войны. О нем не было сообщено в сводках Совинформбюро, он не внес существенных изменений в соотношение сил на фронте. И все же о нем хочется рассказать.

Наверное, мне надо было написать раньше. Многие фронтовики, делаем с пониманием, утешая себя тем, что это все же лучше, чем ничего... И чем дальше отодвигается от нас годы прошедшей войны, тем острее желание рассказать о суровых героических днях, о людях, которые, несмотря ни на что, стояли и победили лютого врага.

В хмурый апрельский день в хмурую батарею противотанковой артиллерийского гвардейского полка резерва Главного командования Первого Украинского фронта в составе сорока человек забросили к партизанам на подмогу для прорыва линии фронта в районе Карпатских гор. Через узкую горловинку в районе Каменец-Подольска, изрытую противотанковыми рвами, напаршированную минами так, что ступить негде, мы двинулись вперед. Задание было выполнено. Партизаны успешно совершили Карпатский рейд в тыл врага. Нам надо было вернуться. Но на обратном пути нас засек враг. Велись ожесточенные бои с превосходящими силами противника, который от города Скалы рвался к Тернополю. Мы оказались окружены.

Что делать? Этот вопрос мучил всех.

Что же делать? Мы окружены и, кажется, не одним, а несколькими кольцами окружены...

И в эти тяжелые минуты — про себя скажу — я спокоен! Не боюсь, ничего не боюсь... Конечно, тяжело, раненые кругом, которым, кроме воды и перевязки, помочь нечем. Враг несет, торопится нас уничтожить.

Говорят, что на войне людей проверяют. Это верно.

Вспоминаются всякие люди и людишки. Героев, конечно, больше, трусов меньше... Вот залетел расстрелянный. Этот негодяй порвал на всякий случай документы и забросил в кусты. Заметила. Решение было единодушным. Нет пощады трусам!

Итак, из сорока нас оставалось тридцать. Наш командир, кадровый офицер капитан Медведев, незаурядных способностей человек, увлекал нас личной храбростью.

Решали прорываться, проложить огневой коридор, выйти из окружения.

Вдруг с опушки леса выходит невысокая черненькая девушка-фельдшер. Подошла к нашей броневой машине.

— Товарищи, вы на прорыв? И я с вами пойду.

Она рассказывает, что в машину угодила мина, раненые и вторая девушка-фельдшер убиты. Машина в трехстах метрах от нас.

Капитан Медведев предупредил, что на прорыв мы идем с боем и что это не прогулка. Она ответила: «Не привязать...»

Ну, раз так, то нас станет тридцать один. Прибавилась медсестра Анна.

Бронемашинка наша изранена, искалечена в боях. Да и горючего оставалось всего полведра. Тяжело, но ничего не сделаешь.

Снимаем пулемет и диски. Забираем по сотне патронов к имеющемуся оружию, по пяти гранат, по фляге воды, по кило сухарей на человека. С капитаном Медведевым долго сидим над картой — изучаем маршрут, по которому легче всего пробраться в тыл к немцам, а затем — в большие леса.

Когда стемнело, мы подошли к бронемашине. У Тигеева, водителя, не хватило духу поджечь свой броневик, а когда это сделал за него другой — Бабаев, Тигеев вдруг заплакал. Далеко странно: пожилой человек,

старый коммунист, лхой солдат Первой Конной армии Буденного, закаленный в боях гражданской, заплакал... Я Тигеева понимаю...

В тыл врага забрались поздним вечером. Веселая прогулочка! Фашисты, зажав нас в кустах, решили, очевидно, ни одного живым не выпустить. Время от времени они швыряли в кусты мины, а все подступы к себе поливали непрерывным дождем пуль. Спасибо им, что трассирующими пулями «освещали» наш путь. Идешь и видишь, куда летит смертоносный снап, в зависимости от этого принимаешь решение — ложиться, пригнуться, идти во весь рост, остановиться или бежать. В эту ночь тысяча смертей прошла мимо, но ни разу не подумалось об этом.

К полуночи мы очутились в глубоком тылу у фашистов. Теперь пулеметы строчили сзади нас, и, если не считать возможности столкновения с патрулями, опасность временно миновала. Ночь с 9 на 10 апреля сорок четвертого явилась для нас большим экзаменом. В ту ночь я еще раз, в который уж раз, видел героев. Похоронил русского Семена Алексеева, украинца Николая Кулика, грузина Гиви Нозадзе, моего земляка из Карабаха Вартава Авакяна... Безымянных тоже. Шли они в атаку вместе, совершили подвиг вместе и вечно вместе спят.

Тихо вокруг. Все молчат. Я передаю павшим друзьям привет и низкий поклон от близких и далеких друзей.

На рассвете то, чего мы страшились, свершилось. Неожиданно перед нами выросли фашистские танки. Завязалась неравный бой. Два танка тут же запылали. Вздыбилась земля, свистела осколками. И гремели новые взрывы, и все повторялось сначала. Были слышны крики гитлеровцев.

— Рус, сдавайся!..

Капитан Медведев выругался: «Сейчас, гады, сдамся». Я хотел идти с ним, но он приказал: «Иди к нашим да передай им, чтобы не боялись...»

Капитан пополз навстречу танку.

Ух! — грохнула граната. Танк замер. Потом появились мотоциклисты. Началась перестрелка. Тройка ваповал, а один, недобитый, ревя мотором, понесся назад, к деревне.

Где Медведев?.. Убитым его мы не нашли. В плен не могли взять. Так это и осталось для нас загадкой.

После войны я был в доме № 73 по улице Басина в Баку.

Мать Виктора Медведева Галина Николаевна не дождалась сына. Умерла в 1945 г. Соседи помнят Виктора. Он не вернулся с фронта.

Командование группой принял я. К нам присоединилось еще несколько человек. Пошли дальше.

У села Будзавовка дозорные доложили, что к отряду движутся немецкие автоматчики. Противник открыл минометный огонь. Снаряды ложились рядом, засыпали нас осколками и землей. Тяжело ранен радист Владислав Митряков — в голову и в обе ноги. Потерял сознание. Я сделал ему перевязку, он пришел в себя. Когда я его тащил, он несколько раз терял сознание, но мы все же благополучно добрались до безопасного места. Он попросил пить. Я открыл флягу, он отпил и сказал мне: «Товарищ командир, мне уже не жить. Достань мой адрес и фото мое и моей мамы, напиши ей, когда, где и как я был ранен и как я...». Он больше ничего не произнес, замолк навсегда. Но слава о подвиге Владислава Митрякова никогда не умолкнет. Мы будем помнить, за что мой ровесник, 17-летний парень из Саратова, презирая смерть, отдал свою жизнь ради жизни на земле. Фото и небольшое письмо я отослал родным Митрякова.

Утром прилетел наш самолет «ПО-2», и немецкие зенитные орудия стали бить по нему. Самолет падал прямо на село. Но в последний момент

летчику, очевидно, удалось поднять машину, и он посадил ее на небольшой площадке между хат.

Из кабины еле-еле выбрался летчик. Стал на земаю, пошатнулся. Схватился за крыло. Раненый...

Эх, помочь бы ему! Но отовсюду бегут фашисты.

Пилот выхватил из кобуры пистолет. Упал один враг, второй. Остальные залегли, открыли ураганный огонь. Еще выстрел от самолета. Еще... — И последний...

Гитлеровцы боязливо подошли к советскому летчику, недвижимо лежавшему у своей машины. Врагам мало было смерти героя. Они облили бензином и его, и самолет. Вспыхнул огромный факел — он стал факелом мужества и бессмертия отважного советского воина.

Кто этот герой: как его имя, откуда он?

Пал солдат. И остались лишь два свидетеля: враг и смерть. Да еще небо над головой. Первому невыгодно говорить, второй — вечно хранит молчание. И так же безмолвно небо, синее-синее в этих местах.

Решали село Яблоневку обойти правее. В ложине обнаружили грузовую машину. В ней — наши раненые с отрезанными ушами и выколотыми глазами. Около машины на носилке человек с отрубленной головой. Страшное зрелище...

По оврагу стала идти спокойно.

Вдруг слева от нас:

— Ура-а-а!

Значит, наши близко.

Мы забыли, что находимся в тылу у немцев, от радости тоже заорали «ура». Я бросился через реку, за мной остальные.

— Ура-а-а!!!

Группа гитлеровцев, раза в три или четыре больше моей, преследуемая нашими, ударила прямо на нас. Заработали наши автоматы, пистолеты, гранаты.

Фашисты считали, что нас окружили, а оказалось — сами в кольцо. Окружения они боялись, как огня, сопротивлялись неактивно, но все же мы в этом бою потеряли несколько человек. Ухлопали до четырех десятков фашистов.

По краю леса шли вперед. Мы громко кричали «ура». Кричим уже для того, чтобы в пылу боя нас не спутали с немцами. Соединились. Бежим. Впереди комиссар Котляр. Помню его лицо со шрамом, он выступал на комсомольском слете четвертой гвардейской танковой армии.

Как-то в Москве, спустя 30 лет, в Союзе журналистов я столкнулся с человеком, показавшимся мне знакомым. Он прошел, и вдруг я почти уверился, что это — комиссар Котляр. Я спросил у знакомого журналиста, кто этот человек. Мне сказали, что журналист из Винницкой области, и назвали фамилию.

— Он не воевал в Первом Украинском? — спросил я.

— Вряд ли, — ответили мне, — он такой тихий...

Я выскочил на улицу. В меховой шапке и пальто он теперь не показался мне похожим... Но я уже заметил шрам на его щеке.

Так мы встретились. Пошли в кафе Дома журналиста. И выпили. И вспоминали боевые дни, как мы пробили огневой коридор в горах Карпат, через который с боями прорывались к нашим.

Это уже, наверное, извечное свойство человеческого характера хранить в памяти всю жизнь самое трудное, что пришлось преодолеть в жизни. Этим трудным мы не без основания гордимся, передаем нашим детям как опыт нашего мужества, как пример исполнения человеческого долга. Идет время, мы стареем, и воспоминание становится для нас утешением. Оно становится для нас праздником, а для тех, кто идет следом, — школой, той вечной эстафетой, которая и оборачивается живой историей народа, его памятью, его сутью.

Александр АХУМЯН.